

Глава 6

«НЕФОРМАЛЬНОСТЬ» В ИСТОРИИ РОССИИ

Мы уже отмечали ранее, что теневая экономическая деятельность развивается особенно бурно в переломные моменты социально-экономического развития, когда формирование новых формальных институтов отстает от ломки старых. История «смутных времен» российской истории убедительно подтверждает этот вывод и одновременно показывает, как отличаются преобладающие формы теневой экономической деятельности в разные эпохи.

Рассмотрим некоторые эпизоды из истории отечественной теневой экономики XX века - антипомещичью борьбу крестьян предреволюционной России, мешочничество времен гражданской войны и рэкетизацию эпохи ельцинщины.

6.1. Экономика «черного передела» в пореформенной России¹

Иррациональность «черного передела». Взаимоотношения крестьян и дворян-землевладельцев в России конца XIX - начала XX веков можно охарактеризовать как перманентную жакерию. Временами (как в 1905 - 1907 гг.) «хижины» объявляли «дворцам» настоящую войну, и подожженные усадьбы освещали красными сполохами ночное небо. Чаще до столь яростного противоборства дело не доходило, однако крестьянская преступность - порубки, потравы, запашки — являлась постоянным элементом агроэкономики той «России, которую мы потеряли»². Эти действия следует интерпретировать как неформальную экономическую деятельность, направленную против привилегированных землевладельцев-помещиков. Главным и неизменным требованием крестьян был «черный пере-

дел» - ликвидация дворянского землевладения, раздел помещичьих земель между крестьянами.

Дворянское землевладение в современной литературе по-прежнему принято однозначно рассматривать как пережиток доиндустриальной эпохи, тормозивший развитие капитализма в России. Соответственно, крестьянские хозяйства видятся исследователям главным фактором аграрной модернизации³. Этот подход, основанный на ленинской концепции аграрного вопроса в России и ставший традиционным в отечественной литературе, требует, однако, критической переоценки. Критика может осуществляться с двух различных точек зрения.

Во-первых, после скандально знаменитых исследований американских экономистов-клиометриков Р. Фогеля и С. Энгермана о рабстве в южных штатах США в первой половине XIX в. совершенно иной видится взаимосвязь понятий «архаичность» (пережиточность) и «эффективность»⁴. Ранее априори считалось, что пережиточные, унаследованные от более ранних эпох экономические структуры обязательно менее эффективны, чем новые, рождённые более высокоразвитым общественным строем. Американские клиометрики убедительно показали, что архаичные регенерированные формы организации производства могут при некоторых условиях отличаться высокой конкурентоспособностью⁵. Аналогично, по-новому, более осторожно и без подгонки решения под заранее известный результат, следует подойти и к сравнению эффективности помещичьих и крестьянских хозяйств.

Во-вторых, следует вспомнить, что даже среди современников ленинский радикализм в оценке помещичьего землевладения отнюдь не был общепризнанным. Конечно, работы народников и марксистов, значительная часть которых относилась скорее к публицистике, чем к собственно научным трудам, пользовались среди российской общественности большой популярностью⁶. Однако при сравнении работ представителей всех направлений бросается в глаза следующая особенность: если левые радикалы обосновывали свою точку зрения, как правило, с позиции классовой борьбы и социальной справедливости, то более умеренные экономисты предпочитали

доказывать свою точку зрения с позиции экономической эффективности. Есть смысл на основе именно их разработок построить общую модель аграрной экономики России, чтобы затем взвесить аргументы «за» и «против» помещичьего хозяйства.

Модель аграрной экономики России как единого наиболее комплексно описана известным политическим деятелем и учёным-аграрником рубежа XIX - XX вв. А. С. Ермоловым⁷, чьи идеологические симпатии эволюционировали от либеральных к умеренно-консервативным⁸.

Главная ошибка большинства исследователей аграрного вопроса, требовавших для ликвидации крестьянского малоземелья «отнять и поделить» помещичьи земли, заключалась, по мнению А. С. Ермолова, в слишком узком подходе к анализу факторов сельскохозяйственного производства. «Они всё своё внимание уделяли *земле*, доказывая её недостаточность для нужд крестьянского населения, и оставляли в стороне другой источник существования сельского населения и способ удовлетворения его нужд — его *труд*, оплачиваемый... во многих случаях лучше при применении его на чужой частновладельческой, а не на собственно принадлежащей ему земле, как ни расширяй её площадь»⁹. Руководствуясь этим принципом, А. С. Ермолов вычислил основные потоки крестьянских доходов при существующей в начале XX в. системе хозяйства, а затем показал, как они изменились бы при разных вариантах земельных реформ — отчуждении помещичьих земель за выкуп и без выкупа.

Для правильного понимания модели А. С. Ермолова следует учитывать, что обрабатываемые земли в аграрной экономике России 1861 - 1917 гг. можно условно разделить на три основные категории¹⁰.

А Крестьянские земли (надельные и частные) - принадлежат крестьянам и обрабатываются их трудом.

Б. Земли, арендованные крестьянами, - принадлежат частным владельцам. Обрабатываются крестьянами как арендаторами, выплачивающими за их использование арендную плату.

В. Помещичьи земли — принадлежат частным владельцам. Обрабатываются крестьянами как наёмными работниками, получающими за свой труд заработную плату.

Статистические данные, на которые ссылался А. С. Ермолов, показывают, что в 1900 г. урожайность на частновладельческих землях была выше урожайности крестьянских земель на 12 — 18%. По мнению А. С. Ермолова, однако, разница показателей эффективности помещичьих и крестьянских хозяйств ещё выше - до 30 - 40%. Статистика даёт заниженные цифры из-за того, что «цифра сбора с частновладельческих земель... обнимает земли, как находящиеся в собственном хозяйстве владельцев (земли типа В), так и сдаваемые в аренду крестьянам (земли типа Б), и последние... значительно и понижают средний вывод, так как урожаи на арендных землях в общем всегда ниже не только по сравнению с первыми, но даже с надельными крестьянскими землями»¹¹.

Поскольку помещичье хозяйство оказывается значительно эффективнее крестьянского, то доходность десятины крестьянской земли (типа А) оказывается неизмеримо ниже заработков, которые крестьяне получали за обработку десятины помещичьей земли (типа В). «На первой, — пишет А. С. Ермолов, — крестьянин выручает в среднем всего только 9 руб. 35 коп. и имеет чистого от неё дохода 3 руб. 92 коп. Десятина обрабатываемой им владельческой земли даёт ему заработка 17 руб.»¹²

Если вычислить совокупные ежегодные доходы всех крестьян России, то по А. С. Ермолову, получается следующая картина (рис. 6 — 1) :

с земель типа В, находящихся в помещичьем хозяйстве, крестьяне получают в виде заработков 705 млн. руб.;

с земель типа А и Б, находящихся в крестьянских хозяйствах, крестьяне получают чистый доход (за вычетом издержек производства) лишь в 466 млн. руб.

Рис. 6 — 1. Поток ежегодных крестьянских доходов в агроэкономике России начала XX в. (модель А. С. Ермолова)

Такая классификация доходов крестьян позволяет по-новому взглянуть и на последствия «чёрного передела» — отчуждения помещичьих земель в пользу крестьян, за которое выступали и либералы, и социалисты. Рассмотрим два варианта радикальных аграрных реформ, исследуемых А. С. Ермоловым по методу альтернативных издержек.

Первый вариант: крестьяне выкупают помещичьи земли типа Б и В по «справедливой» (т. е. заметно ниже рыночной) цене в 4 руб. за десятину. В результате они получают дополнительный чистый доход в 145 млн. руб., освобождаются от арендной платы в 128 млн. руб., выплачивают выкуп в 228 млн. руб. и теряют заработки, которые они имели в качестве работников помещичьего хозяйства, в размере 705 млн. руб. Таким образом, от такой реформы крестьяне понесут потери: постоянные (ежегодные) $705 - (145 + 128) = 422$ млн. руб., единократные — еще 228 млн. руб.

Итак, только постоянные потери крестьян от «черного передела» составят 36 % их первоначальных доходов.

Второй вариант: крестьяне безвозмездно получают все помещичьи земли - и типа Б, и типа В. В этом случае потери крестьян уменьшатся на величину выкупных платежей

Расчёты выгод и потерь от радикальных аграрных реформ показывают, что при ликвидации культурно-капиталистических помещичьих хозяйств и передаче всей земли в руки крестьян сами же крестьяне больше потеряют, чем выиграют. «Всякая аграрная реформа, — делает вывод А. С. Ермолов, — направленная только к увеличению крестьянского землевладения за счёт частновладельческого хозяйства, ...не улучшит, а ухудшит положение крестьян, сократив их доход на сумму большую, чем сколько принесёт им увеличенная площадь земли в их руках»¹³. Альтернативные издержки потерянной зарплаты с избытком перекрывают выгоды от увеличения принадлежащей крестьянам земли¹⁴.

Хотя модель А. С. Ермолова подвергалась острой критике и либералов (И.И. Петрункевич, С. Н. Прокопович), и социалистов, но эта критика обращала внимание, как обычно, на социальные аспекты, а не на проблему экономической эффективности. Схожим образом относились к выкладкам А. С. Ермолова и советские экономисты — те, кто все же считал необходимым для объективности упомянуть о заведомо «реакционных» теориях. В целом можно считать доказанным, что передача помещичьих земель крестьянам серьёзно сократила бы (по крайней мере, в краткосрочной перспективе) доходность аграрной экономики России. Последующая история, в сущности, подтвердила этот вывод. Когда в 1917 — 1918 гг. крестьяне явочным порядком осуществили повальный разгром помещичьих усадеб и провели «чёрный передел», то их уровень жизни (несмотря на одновременный развал системы государственных сборов) возрос довольно незначительно.

Помещичье землевладение как генератор негативных экстерналий. Если помещичье хозяйство оказывается более высокодоходным, чем крестьянское, то следует ли отсюда делать вывод, что всю критику помещичьих хозяйств надо полностью отбросить? На наш взгляд, такой вывод был бы преждевременным. Целесообразно разобраться, в какой степени низкая продуктивность крестьянского хозяйства в России обусловлена его собственной природой, а в какой - соседством с поместьями.

Среди исследователей рубежа XIX — XX вв. (особенно консервативного толка) было распространено представление о поместьях как об анклавах передовой агроэкономики, центрах распространения новаторских форм сельскохозяйственной культуры. Но на проблему влияния помещичьих хозяйств на крестьянские можно взглянуть и с другой стороны. На наш взгляд, в конкретно-исторических условиях России конца XIX — начала XX вв. поместья стали генераторами не столько положительных, сколько отрицательных внешних эффектов (экстерналий). Объясним эту гипотезу более подробно.

Как известно, во многих случаях действия производителей влияют на третьих лиц - на тех, кто не является ни продавцом, ни покупателем. Внешние эффекты (или экстерналии) могут быть как положительными, приносящими пользу третьим лицам (например, благоухание частного розария доставляет наслаждение проходящим мимо него прохожим), так и отрицательными, наносящими вред (например, «аромат» частной свинофермы заставляет прохожих переживать весьма неприятные ощущения). Экстерналии создают разрыв между частными и общественными затратами или выгодами. Этот разрыв первоначально (например, первооткрывателем экстерналий А. Пигу) рассматривался как яркий пример провалов рынка, пока Р. Коуз не доказал, что рынок в принципе может сам эффективно гасить экстернальные эффекты и без вмешательства государства. В трудах Р. Коуза и его последователей - сторонников теории прав собственности (*property right economics*)¹⁵ — можно найти путеводные нити и для нового понимания аграрного вопроса в России рубежа XIX — XX вв.

В работах представителей экономической теории прав собственности внешние эффекты обычно понимаются в весьма материальном смысле: запахи, шумы, потравы посевов, дымовые загрязнения и т. д. Однако в качестве экстерналий может рассматриваться и такой «нематериальный» объект, как информация. Например, сеть Internet, которой с пользой для себя может воспользоваться любой владелец подключённого к этой сети компьютера, порождает положительные информационные экстерналии: вместо того чтобы купить все-

рокопии библиотечной литературы, пользователь компьютера практически бесплатно «перекачивает» интересующие его тексты. Аналогично культурно-капиталистические дворянские экономии (например, Батищево — имение А. Н. Энгельгардта), которые показывали окрестным крестьянам передовые методы и приёмы сельскохозяйственного производства, следует рассматривать как генераторы положительных внешних эффектов. Однако если положительные информационные эффекты порождались относительно немногочисленными передовыми имениями, то помещичье землевладение в целом генерировало отрицательный информационный эффект.

Практически все исследователи аграрного вопроса отмечали любопытный парадокс: хотя крестьян считали страдающими от малоземелья, однако если сравнить среднее землевладение крестьян России и западноевропейских крестьян, то отечественный земледелец имел земли значительно больше, но снимал с неё гораздо более низкий урожай. Экономисты консервативного и даже либерального направлений прямо утверждали, что проблема крестьянского малоземелья есть совершенно ложная проблема. «Вопрос о малоземелье, — писал, например, убеждённый сторонник сохранения дворянского землевладения А. А. Салтыков, — вообще не имеет экономического значения, т. к. благосостояние крестьян и подъём производительности крестьянского хозяйства зависит не от того, сколько у них на душу приходится земли, а от целого ряда других причин, из которых главная и основная заключается в формах крестьянского землепользования...»¹⁶.

В сущности, перед крестьянскими хозяйствами было два пути развития:

- 1) либо экстенсивное расширение обрабатываемых площадей,
- 2) либо интенсивное совершенствование землепользования.

Почему же крестьяне выступали в основном за первый путь, игнорируя второй?

Осуществляя рациональный выбор производственной стратегии, экономический субъект сравнивает два фактора — первоначальные инвестиции (**I**) и ожидаемую выгоду (**EU**),

которая в свою очередь зависит от вероятности успеха (p) и его величины (N). Если крестьяне предпочитали первый (экстенсивный) путь второму (интенсивному), это означает, что, по их оценкам,

$$EU_1/I_1 > EU_2/I_2, \text{ или } p_1 N_1 / I_1 > p_2 N_2 / I_2.$$

Интенсивная стратегия развития аграрной экономики требовала высоких инвестиций I_2 в физический и человеческий капитал (на приобретение новых орудий труда, на освоение новых агрономических знаний), суля с высокой вероятностью p_2 значительную выгоду N_2 . Экстенсивная же стратегия предполагала отрицательную (если верна модель А. С. Ермолова) выгоду N_1 при труднопрогнозируемых величинах затрат I_1 на «лоббирование» программы «черного передела» и столь же трудноизмеримой вероятности p_1 успеха этого «лоббирования»¹⁷. Кажется совершенно непонятным и иррациональным, почему же крестьяне предпочли экстенсивную стратегию интенсивной.

Однако ситуация проясняется, если вспомнить, что реальные экономические субъекты делают выбор на основе не объективно истинной, а субъективно доступной им информации. Соседство мелких крестьянских наделов с обширными помещичьими хозяйствами создавало у крестьян иллюзию лёгкого решения трудной проблемы — «отнять и поделить». «Вишнёвые сады», которые, по мнению крестьян, так и просились под топор, порождали у них острое чувство социальной ущемлённости и зависти, препятствующее интенсификации производства. Крестьяне неохотно вводили агротехнические новшества, зато жадно ловили малейшие слухи о том, что «землю будут раздавать даром». Это и есть отрицательный *информационный внешний эффект помещичьего землевладения* в России: ожидание близкого раздела помещичьих земель снижало ценность информации о совершенствовании приёмов земледелия.

Доказательством существования отрицательных информационных экстерналий помещичьего хозяйства может быть заметная разница эффективности крестьянских хозяйств в

Центральной России и в Сибири. Хотя естественное плодородие за Уралом было ниже, чем в центральных губерниях, однако сибирские крестьяне жили заметно зажиточнее. У них не было соседей-помещиков, не было и вредных иллюзий, будто поправить хозяйство можно не интенсификацией земледелия, а переделом земли.

«Двоеправие» как мультипликатор негативных экстерналий помещичьего хозяйства. В сущности, соседство богатства и бедности всегда порождает отрицательный внешний эффект: у бедных появляется вполне понятное желание не приумножать «в поте лица» свой физический и человеческий капитал, а легко и просто «экспроприировать экспроприаторов» (не случайно на уровень преступности в какой-либо стране влияет не столько средний уровень жизни, сколько степень дифференциации доходов). Однако далеко не всегда эта естественная зависть бедного к богатому выливается в столь целенаправленную «классовую ненависть», как это было у русских крестьян по отношению к помещикам-дворянам. В конце концов, кулацкие хозяйства тоже рождали у бедняков желание «отнять и поделить» (что они и делали как во время столыпинских реформ, так и во время «чёрного передела» 1917 — 1918 гг.), однако этот антагонизм не шёл ни в какое сравнение с противостоянием крестьянства, как целого, и дворян-помещиков. Видимо, если помещичье землевладение порождало негативные экстерналии, то какой-то другой фактор их многократно усиливал. И этот фактор хорошо описан в научной литературе начала XX в. по аграрному вопросу. Речь идёт о так называемом «двоеправии» — *сосуществовании официально-го права и традиционного права собственности* на землю.

Консерваторы, защищавшие помещичье землевладение, уделяли большое внимание правовой стороне аграрного вопроса. Уже упоминавшийся А. А. Салтыков прямо заявлял, что принудительное отчуждение частновладельческих земель для дополнительного наделения крестьян (всё равно — за выкуп или без выкупа) представляет собой «грубейший акт варварского произвола». «Само понятие права, — писал он, — состоит в непримиримом противоречии с мыслью о принудительном

отчуждении. Это отчуждение есть прямое и решительное отрицание права собственности, того права, на котором стоит вся современная жизнь и вся мировая культура»¹⁸. Следует отметить, что подобные убеждённые защитники частной земельной собственности рассматривали право собственности в традициях континентального права - как право—«монолит». Более умеренные консерваторы, типа того же А. С. Ермолова, склонялись к англо-саксонской традиции, согласно которой право собственности есть «пучок» частичных правомочий, которые могут находиться у разных экономических субъектов. По их мнению, принудительное отчуждение не противоречило бы праву частной собственности, поскольку правительство имеет полномочия отчуждать частновладельческое имущество ради государственных и общественных целей¹⁹. Однако всех консерваторов и либералов, рассуждавших о правах собственников земли, объединяло одно: они были «слишком европейцами», автоматически перенося на Россию западноевропейские правовые институты. Если на Западе правосознание давно развивалось в границах дилеммы «право - несправие», то для российского правосознания рубежа XIX - XX вв. более характерна триада «официальное право — обычное право - несправие». Эту особенность отечественной правовой культуры лучше всего отразили в своих работах исследователи-народники.

К.Р. Качаровский, один из видных представителей народнического направления, писал, что в народе уцелели основы старого народного обычного права - трудового права, которое слагалось из двух существенно важных начал: права затраченного труда и права на труд, т. е., с одной стороны, права каждого трудившегося воспользоваться плодами своего труда, с другой, права каждого желающего трудиться с использованием необходимых ему орудий производства, в особенности, необходимой для этого земли. «Право труда, — замечал он, - говорит, что владельцы-капиталисты не обрабатывают сами земли, а потому не имеют прав ни на неё, ни на её продукт, а имеют право те, кто её обрабатывает. Право на труд заявляет, что капиталистическая земельная собственность

нарушает равномерность распределения между людьми основного, необходимого для их жизни блага и требует уравнительного его распределения сообразно равному праву всех людей»²⁰.

С обоснованием «права на землю» выступал также экономист-аграрник народнического толка П. А. Вихляев, чьи работы были использованы эсерами при разработке их земельных законопроектов в Думе. «Право на землю, — писал П. А. Вихляев, — вот тот принцип, который должен быть положен в основу новой русской государственности. К общей сумме прав гражданина и человека должно быть прибавлено новое право, незнакомое органическим статутам западноевропейских государств - право на землю каждого русского гражданина, право поголовного земельного надела. Провозглашение этого общего права должно подорвать коренным образом исключительное право отдельного лица на землю»²¹. Институт частной поземельной собственности сложился в России на прочных основаниях лишь при освобождении крестьян от крепостной зависимости — именно тогда, по мнению П.А. Вихляева, окончательно разграничилась крестьянская и частновладельческая земля. Но институт частной собственности предполагает независимый от личности объект права, а жизнь русского земледельческого населения сложилась исторически таким образом, что объект частноправовых земельных отношений — земля - постоянно находился в самой тесной связи с личностью крестьянина (как говорили крестьяне своим господам, «мы ваши, а земля наша»). Естественно, что при подобных условиях, где не было самостоятельно существовавшего объекта права, в крестьянском менталитете не могло возникнуть понятий, свойственных западноевропейским частноправовым земельным отношениям. Вот почему П.А. Вихляев делает следующий вывод: «Частной собственности на землю не должно существовать, земля должна перейти в общую собственность всего народа — вот основное требование русского трудового крестьянства»²².

Объектом конфликта между крестьянами и помещиками, таким образом, являлся один из элементов «пучка» прав

на землю — право на защиту от экспроприации. В аграрной экономике России 1861 - 1917 гг. возникла ситуация недостаточной спецификации прав собственности: помещики в соответствии с официальным правом считали это право своим, но и крестьяне в соответствии с традиционным правом — тоже своим. Если в глазах помещиков требования «землю — крестьянам» выглядели преступными домогательствами чужой собственности, то и для крестьян помещики после реформы 1861 г. стали бесчестными «прихватизаторами», присвоившими чужую землю. Каждая из конфликтующих сторон была права в рамках «своей» системы права, но неправа в рамках «чужой».

Доказательством того, что сами помещики понимали известную двусмысленность правового статуса своих хозяйств, может служить интересное наблюдение А. Н. Энгельгардта, хорошо знакомого с реалиями российской аграрной экономики. Описывая упадок многих имений в пореформенный период, он замечает: «Я положительно недоумеваю, для чего существуют эти хозяйства: мужикам - затеснение, себе — никакой пользы. Не лучше ли бы прекратить всякое хозяйство и отдать землю крестьянам за необходимую для них плату? Единственное объяснение, которое можно дать, — то, что владельцы ведут хозяйство только для того, чтобы констатировать право собственности на имение»²³. Поскольку, согласно «простонародному» «праву труда», крестьянин соглашался считать собственником земли лишь того, кто не только владел ею, но и хозяйствовал на ней, то помещики без предпринимательских способностей оказывались вынуждены имитировать хозяйственную деятельность, даже неся на этом прямые убытки. Очевидно, когда помещик откровенно забрасывал своё хозяйство, то его имение становилось первоочередным объектом крестьянского «лоббизма» (потрав, самовольных захватов земли, поджогов усадеб и т. п.), в результате чего падала его продажная ценность. Пренебрежительно третируя на словах «мужицкое право», помещики на деле были вынуждены с ним считаться.

Если сам факт наличия помещичьих хозяйств создавал у крестьян ложное представление о возможной выгоде экстенсивной стратегии развития (по их мнению, N_1 было достаточно

большим, хотя на самом деле, если верна модель А. С. Ермолова, $N_1 < 0$), то «двоеправие» создавало иллюзии в оценке вероятности достижения этой возможной выгоды (величины p_1) и затрат на это (величины I_1). В самом деле, та громадная энергия, с которой крестьяне более полувека добивались всеми средствами заветного «чёрного передела», будет совершенно непонятна, если только не предположить, что крестьяне изначально нисколько не сомневались в беспорности своих претензий и, следовательно, в лёгкости их реализации. По их мнению, до раздела помещичьих имений было буквально «рукой подать», а потому целесообразнее не закупать «мудрёные заморские» машины, а «давить» на помещика. Революция 1905 - 1907 гг., несомненно, дала этим чувствам сильный импульс; действительно, всего через 10 лет крестьянское «обычное право» восторжествовало над «официальным правом» российского истеблешмента.

Доказательством мультипликационного (усилительного) эффекта «двоеправия» может служить, например, сравнение России с Германией (в советской историографии обе эти страны приводили как пример «прусского пути» развития капитализма в сельском хозяйстве). Восточно-немецкий крестьянин, в отличие от российского, вовсе не питал уверенности, будто имение соседского юнкера следует «по справедливости» немедленно «отнять и поделить», а потому вместо организации поджогов и потрав он занимался преумножением своего физического и человеческого капитала. Негативный информационный внешний эффект от помещичьих хозяйств в Германии, вероятно, не слишком отличался от ситуации в России, но зато не было «двоеправия» — мультипликатора, и этот экстернальный эффект оставался низким, латентным. Поэтому в истории Германии конца XIX - начала XX вв. нет ничего похожего на крестьянские революции 1905 — 1907 и 1917 — 1921 гг. в России, хотя и наблюдались отдельные аграрные возмущения.

Рациональное решение аграрного вопроса. Поставим теперь вопрос: каков был бы оптимальный с экономической точки зрения метод разрешения конфликта интересов помещиков и крестьян? Решение этого вопроса имеет большое зна-

чение для изучения экономической истории дореволюционной России, для выработки объективных оценок различных точек зрения, которые высказывались по поводу проблем отечественной аграрной экономики²⁴.

Опишем ситуацию в агроэкономике России рубежа XIX — XX вв. в терминах теории прав собственности. Объектом конфликта является право на помещичьи земли (в нашей модели земли типа Б и В). Субъектами конфликта выступают два сообщества - класс помещиков и класс крестьян. С некоторой долей упрощения эту ситуацию можно истолковать как взаимодействие двух экономических субъектов — П (помещики) и К (крестьяне). Право собственности на спорный объект размыто, неспецифицировано: отсутствует общепризнанная правовая норма, а потому правительство как третейский судья обладает «свободой рук» в правотворчестве. Доказано, что субъект П может использовать спорный объект с более высокой эффективностью, чем К. Перед нами довольно стандартная ситуация из числа тех, которыми занимается экономика права (economics of law) как подотрасль теории прав собственности.

Сначала вспомним знаменитую теорему Коуза: когда трансакционные издержки (издержки передачи прав собственности) невелики, то первоначальное распределение прав собственности с точки зрения максимизации общественного благосостояния не имеет принципиального значения. Если бы можно было руководствоваться этой теоремой, то выбрать «лучшего» собственника правительство могло бы как угодно — хотя бы подбрасыванием монеты. Задачей третейского судьи в этом случае будет только максимально чёткое закрепление (спецификация) правомочий, не допускающее каких-либо неясностей и кривотолков. Общеизвестно, однако, что мир без трансакционных издержек - это лишь теоретическая модель высокой степени абстракции. В реальной аграрной экономике России конца XIX - начала XX вв. следует априори ожидать высоких трансакционных издержек, особенно издержек переговоров, измерения, спецификации и защиты прав собственности, а также оппортунистического поведения. Поэтому для

рационального разрешения конфликта П и К целесообразно использовать не теорему Коуза, а правило Познера.

Согласно правилу Познера, при высоких издержках сделок третейский судья (рефери) должен поступать так, чтобы предотвратить возникновение в будущем обременительных затрат на передачу прав собственности от одних лиц другим. Для этого рефери сразу отдаёт спорный объект тому из претендентов, кто может его использовать более эффективно. «Трансакционные издержки минимизируются, — указывает Р. Познер, — когда закон: 1) наделяет правом собственности сторону, которая выкупила бы его у другой стороны, если бы та была им наделена и если бы издержки трансакции были равны нулю; 2) или, наоборот, возлагает ответственность на сторону, которая, имея она право, продала бы его при нулевых издержках трансакций»²⁵. В конечном счёте это означает, что суд должен делать выбор в пользу того, кто готов больше заплатить за возможность обладания правом. Если же не известно, кто из претендентов выше ценит спорное право, целесообразно делать выбор в пользу того, кто способен более точно оценить соотношение выгод и издержек от обладания данным правом.

Применение правила Познера к конфликту П и К наталкивается на любопытное противоречие. С одной стороны, если справедлива модель А. С. Ермолова, то эффективность использования оспариваемых земель гораздо выше у субъекта П. С другой стороны, любой специалист по экономической истории России 1861 — 1917 гг. знает, что, как правило, не помещики покупали землю у крестьян (хотя иногда и это имело место), а крестьяне стремились облегчить своё малоземелье покупкой земли помещиков. И те и другие прибегали к помощи банков, но если ссуды Крестьянского банка в основном инвестировались в покупку земли, то ссуды Дворянского банка использовались большей частью непроизводительно, на личное потребление помещиков. Следовательно, правительство как третейский судья должно делать выбор, обладая следующей информацией: хотя субъект П эффективнее субъекта К, однако К готов заплатить больше, чем П.

С точки зрения теории прав собственности такая ситуация, когда худший производитель готов дороже платить за редкий ресурс, кажется совершенно противоестественной, диссонансирующей с концепцией рационального *homo economicus*. Из этого противоречия есть три возможных выхода.

Во-первых, следует подвергнуть сомнению правомерность использования чисто денежных показателей доходности при сравнении крестьянского и помещичьего землевладения. Если крестьянин отказывается от высокой зарплаты в качестве наёмного работника на чужой земле в пользу более низкого дохода от увеличенного количества своей земли, это означает, что полезность земли измеряется для него не её доходностью, а чем-то иным. Видимо, ради изменения своего социального статуса (из батрака - в землевладельцы) российский крестьянин был готов поступиться большей долей своих доходов. Земля для него - статусная ценность безотносительно к её доходности. В таком случае использование теории прав собственности для разрешения аграрного вопроса оказывается невозможным, поскольку эта теория основана на парадигме «человека экономического» и не умеет соизмерять стоимостные и статусные ценности.

Во-вторых, можно вообще усомниться в рациональности экономического поведения российских крестьян. Традиционная ссылка на «темноту» крестьянина, т. е. на его неспособность воспринимать информацию, здесь не срабатывает: если верна модель А. С. Ермолова, то между доходом крестьян от наёмного труда на помещичьих землях и их доходом от обработки аналогичных по площади своих земель существовали настолько высокие различия (17:4), что не уловить их человек со здравым рассудком просто не смог бы. В таком случае ожесточённая борьба крестьян за *снижение* своего жизненного уровня представляется экономисту затычным приступом коллективного помешательства²⁶. Если «умом Россию не понять», то и теория прав собственности оказывается здесь бессильной.

Однако, в-третьих, противоречие между степенью эффективности хозяйствования и силой притязаний на обладание

спорными правами собственности может быть лишь кажущимся. Вывод о низкой эффективности крестьянских хозяйств базируется на сравнении помещичьего и крестьянского хозяйствования в условиях существования негативных информационных экстерналий. Устранение помещичьих хозяйств, если верна наша концепция, полезно крестьянам вовсе не потому, что оно даст им дополнительные земельные наделы, а потому, что устранил иллюзию, будто эта прибавка улучшит их благосостояние, и тем самым стимулирует развитие нормальной хозяйственной активности. Иначе говоря, перераспределение земли приведет к перераспределению деловой активности крестьян.

Борьба за «черный передел» есть форма рентоискательства²⁷, причем рентоискатели-крестьяне ошибочно оценивали величину выгоды, за достижение которой они ведут борьбу. Как и любая рентоискательская деятельность, она с точки зрения общества непродуктивна или даже разрушительна. Ликвидация помещичьего землевладения при прочих равных дает возможность крестьянам направить свою деловую энергию в русло производительной деятельности²⁸. Конечно, перераспределение деловой активности крестьян (переход от организации потрав и поджогов к совершенствованию культуры земледелия, накоплению физического и человеческого капитала с целью повышения доходности землепользования) произойдет при прочих равных отнюдь не сразу, а в долгосрочном периоде²⁹.

Таким образом, рациональное решение аграрного вопроса должно в идеале преследовать следующие цели: с одной стороны, устранить отрицательные информационные экстерналии помещичьего хозяйствования, с другой стороны, сохранять помещичьи хозяйства так долго, пока они превосходят по эффективности крестьянские хозяйства. В принципе, такое решение возможно.

Если доход от единицы земельной площади помещичьих хозяйств заметно больше, чем доход от единицы земельной площади крестьянских хозяйств, то помещик может выплачивать претендующим на его землю крестьянам средний доход, который бы крестьяне могли получить с каждой единицы пло-

щади, и еще оставаться с выгодой. Исторически при осуществлении аграрных реформ выкупные платежи осуществляли крестьяне в пользу бывших землевладельцев. Предлагаемый вариант рационального разрешения аграрного вопроса выворачивает этот подход наизнанку: не крестьяне должны платить помещикам, а помещики — крестьянам. Тем самым сразу гасится отрицательный экстернальный эффект, но сохраняются возможности для развития высокоэффективных помещичьих экономий. По существу, это означает выкуп помещиками у крестьян прав землевладения и, соответственно, выбор — в полном соответствии с правилом Познера — в пользу именно того из двух претендентов, кто готов платить больше другого. Поскольку величина ежегодных выкупных платежей определяется средней эффективностью крестьянского хозяйствования, то крестьяне имеют сильный стимул для его увеличения.

Такое решение аграрной проблемы было бы с экономической точки зрения оптимальным, если, конечно, справедливо предположение о «денежной» рациональности крестьянской экономики. Интересно, что общинная организация крестьян оказалась бы при такой реформе важным благоприятным фактором. Поскольку транзакционные издержки растут с увеличением числа участников переговоров, то гораздо эффективнее, чтобы крестьяне не индивидуально договаривались с местным помещиком, а переговоры вела община как единое целое. Можно, конечно, усомниться, что помещики согласились бы «просто так» выплачивать крестьянам значительный и постоянно растущий выкуп за свою землю. Несомненно, очень многие помещики оказались бы вообще не в силах его платить под угрозой полного разорения. С другой стороны, известно, что даже горячие защитники помещичьих хозяйств выражали готовность отдать крестьянам половину своих земель, чтобы сохранить хотя бы другую половину.

В любом случае главным институциональным условием разрешения конфликта интересов становится принципиальная готовность всех участников вести переговоры с оппонентом. В конкретных условиях России начала XX в. культура конфликта одержала верх над культурой согласия, что предопредели-

ло неэффективное разрешение аграрного вопроса в ходе гражданской войны 1917 — 1920 гг.

6.2. Экономика мешочничества в России 1917-1920 гг.

Гражданская война в России 1917 — 1921 гг. сплела воедино несколько качественно различных потоков событий. Противоборство между защитниками республики и монархии, осуществление общедемократических преобразований, попытка практической реализации коммунистических идей, борьба различных социалистических партий, геополитическое противоборство сильных держав, взрыв национального сепаратизма, охлократическое безумство народных масс — все это накладывалось друг на друга и взаимопереплеталось, создавая неповторимую атмосферу второго Смутного времени. Спорам о том, какая именно грань этих событий наиболее важна, суждено длиться еще долго, и наиболее близким к истине будет, видимо, не монистический, а плюралистический подход. Такой синтез произойдет, очевидно, к столетней годовщине событий, подобно тому, как французы лишь к концу XIX века окончательно определились, считать ли им день взятия Бастилии национальным праздником или годовщиной начала национальной трагедии.

В наши дни уже пришло «время собирать камни», и задача исследователя - внимательно рассмотреть каждый из аспектов тех событий. Одним из таких ракурсов, который пока слабо представлен в литературе, но заслуживает самого пристального внимания, является попытка взглянуть на события гражданской войны в России как на своеобразный эпизод истории теневой экономики.

Теневая экономическая деятельность в России времен гражданской войны: этот несгибаемый мешочник. Изучение ТЭ времен гражданской войны наталкивается на два препятствия. Прежде всего, над изучающими эту эпоху продолжают довлеть традиции классово-идеологического подхода, когда во

всех событиях обязательно хотят разглядеть конфликт классово-партийных интересов. В результате мало кто из исследователей обращает внимание на «теневи́ков» как на самостоятельных субъектов исторических событий³⁰. В то же время понимание проблемы затрудняется элементарной нехваткой фактических данных: если о событиях на «красной» территории можно найти довольно обширную информацию, то экономическое развитие «белых» территорий все еще продолжает оставаться белым пятном³¹. Поэтому все высказанные далее соображения следует рассматривать как сугубо предварительные, скорее обозначающие проблему, чем раскрывающие ее.

Неформальная экономическая деятельность как главная разновидность теневой экономики. Неформальный сектор экономики, как общее правило, является самым крупным сегментом ТЭ. Применительно к России времен гражданской войны эта закономерность действовала в гипертрофированном виде. Главный представитель ТЭ этого периода - пресловутый мешочник, мелкий спекулянт хлебом.

Мешочническая неформальная деятельность расцвела еще до прихода к власти большевиков. Ограничения на торговлю хлебом как основным продуктом питания появились в России в 1915 г., а в марте 1917 г. Временное правительство ввело хлебную монополию: государство декретировало свое право изымать у крестьян весь хлеб (за вычетом необходимого на личное потребление) и полностью запретило торговлю хлебом. Почти сразу же после введения ограничений появились предприимчивые крестьяне, которые скупали зерно в деревне и контрабандой везли ее в город, зарабатывая «рубль прибыли на рубль капитала»³². Летом 1917 г. Временное правительство начало устанавливать заградительные отряды, которые перекрывали мешочникам доступ в города.

В период «военного коммунизма» большевики приняли эстафету огосударствления хлебного рынка, что придало мешочничеству совершенно фантастические масштабы. Хотя, согласно правительственным распоряжениям, Наркомпрод должен был собирать и затем распределять все хлебпродукты, фактически в руки советских органов власти попадало

первоначально менее 1/3 собранного хлеба. «...Только наименьшая часть сельскохозяйственной продукции попадала в снабженческие органы государства, а большая доля уходила на подпольный рынок»³³, где цена в несколько раз превышала предписанный государством уровень.

Большевистское руководство понимало неэффективность проводимой политики, но интерпретировало создавшуюся ситуацию в привычных для него терминах классовой борьбы. Вспомним опубликованную в «Правде» в ноябре 1919 г. программную статью «Экономика и политика в эпоху диктатуры пролетариата», где В. И. Ленин писал: «Вот тот крестьянин, который дал в 1918 - 1919 году голодным рабочим городов 40 миллионов пудов хлеба по твердым, государственным, ценам в руки государственных органов, ...вот этот крестьянин есть крестьянин трудящийся, полноправный товарищ социалиста-рабочего... А вот тот крестьянин, который продал из-под полы 40 миллионов пудов хлеба по цене вдесятеро более высокой, чем государственная, ...надувая государство, ...вот этот крестьянин есть спекулянт, союзник капиталиста, есть враг рабочего, есть эксплуататор»³⁴. Увы, подобную четкую поляризацию можно было видеть на страницах правительственной газеты, но не в реальной жизни, где крестьянин-трудящийся и крестьянин-спекулянт чаще оказывался одним и тем же лицом. Отдав за бесценку под дулом винтовок продотрядовцев часть своего урожая, другую - и большую — его часть крестьянин с выгодой продавал приезжавшим из города мешочникам.

О том, насколько массовой стала опасная профессия мешочника, свидетельствуют, например, данные анкеты Калужского комиссариата продовольствия, отразившей ситуацию августа-декабря 1917 г. : за хлебом совершали поездки хотя бы эпизодически порядка 40% населения губернии, заветный товар удавалось добыть примерно каждому второму³⁵. Чтобы получать прибыль и элементарно остаться в живых, мешочнику приходилось давать взятки одним заградотрядам и прорываться с боем сквозь другие. Их труд облегчался тем, что большинство населения поддерживало их деятельность, и даже представители официальных властей были вынуждены

проводить двусмысленную политику полуборьбы-полууступок³⁶, но затруднялся тем, что любой «человек с винтовкой» мог практически безнаказанно ограбить и убить любого мешочника. Несмотря на все препоны, спекулятивная вакханалия доходила до того, что из некоторых районов мешочники иногда за день вывозили больше хлеба, чем продотряды за месяц.

Рис. 6 — 2. Хлебозаготовки Наркомпрода и закупки хлеба горожанами на «вольном» рынке.

Рис. 6 — 3. Неформальное мешочничество между Наркомпродом и деревней (модель).

Составлено по: Дмитриенко В. П. Ук. соч. С. 228.

Процесс «конкуренции» Наркомпрода и мешочников в борьбе за хлеб хорошо иллюстрируется статистическими данными о динамике хлебозаготовок и хлебозакупок в 1918 — 1921 гг. (рис. 6 — 2).

Мешочниками становились как горожане, так и крестьяне из числа людей «пассионарного» склада характера: в этой профессии знание рыночной конъюнктуры необходимообразом сочеталось с недюжинной физической силой (груз мешочника часто превышал центнер), умением постоять за себя и находить общий язык с кем угодно. Некоторая часть мешочников обеспечивала продуктами только себя и своих близких,

но большинство рассматривало это занятие как профессию, приносящую прибыль³⁷. Начавшись как деятельность авантюристов-одиночек, неформальное мешочничество быстро «обросло» инфраструктурой в виде стабильных полулегальных рынков (типа московской Сухаревки), подпольных бирж, производства специальных лодок и чемоданов с двойным дном, системы нелегального кредитования и т. д. Именно мешочники стали той едва ли не единственной социальной группой, которая выиграла от политики «военного коммунизма», накопив первоначальный капитал для легального бизнеса в период нэпа. Ликвидировав предпринимательский класс дореволюционной России, большевики, сами того не желая, создали новых предпринимателей, гораздо менее обремененных традициями «честного бизнеса».

На графике заметно неуклонное уменьшение доли мешочников в перераспределении хлебопродуктов, однако не следует отсюда делать вывод о его самозатухании. Неформальное мешочничество оказалось зажато в клещах (рис. 6 - 3): с одной стороны, укрепление советской правительственной машины вело к упрочению работы Наркомпрода, который усиливал силовое давление на деревню; с другой же стороны — и этот фактор более важен — неизбежный в военные годы упадок сельского хозяйства уменьшал его товарные возможности. Хотя совокупный объем изъятия хлеба оставался примерно на одном и том уровне, к концу гражданской войны значительная доля государственных хлебозаготовок осуществлялась уже за счет необходимого продукта крестьян (рис. 6 - 4). Удивляться следует не сокращению мешочничества, а, напротив, его живучести в этих крайне неблагоприятных условиях.

Рис. 6 - 4. Модель эволюции производства и распределения хлебобулочных изделий в Советской России времен гражданской войны

На «белых» территориях регулирование хлебного рынка проводилось более либеральными методами, чем у «красных». Торговля хлебом полностью не отменялась, но действовала практика принудительной закупки по твердым государственным ценам, которые были ниже рыночных в 5-6 раз. Соответственно, мешочничество сохранялось и в этих районах, хотя и в гораздо меньших масштабах. Лишь «под самый занавес», в июне 1920 г. правительство Врангеля объявило полную свободу торговли, что сразу вызвало взрыв спекуляции перекупщиков, заменив одну форму ТЭ другой³⁸.

Зародившись в сфере сельского хозяйства и торговли, неформальная ТЭ очень быстро начала охватывать и промышленность. Поскольку казенного пайка не хватало на элементарное выживание, городские рабочие, чтобы заработать на покупку дорогого хлеба у мешочников, начали в массовом порядке в свободное и даже в рабочее время мастерить зажигалки для неформального товарообмена. Помимо подобных кустарных самоделок рабочие торговали на нелегальном рынке и обычной продукцией своих заводов, поскольку зарплата часто выдавалась натурой, кроме того, немислимые масштабы приобрели мелкие хищения. Даже государственные предприятия были вынуждены приобретать оборудование и дефи-

цитные материалы на нелегальном рынке, поскольку официальных поставок категорически не хватало.

«Беловоротничковая» теневая экономика как союзник неформальной. Махинации представителей легального государственного и коммерческого секторов экономики, как правило, развиваются обособленно от иных форм НЭ. Но гражданская война создала сверхприбыльный мешочнический бизнес, который захватил в свою орбиту все другие разновидности ТЭ.

Хорошо известно, что к созданному ими государственному аппарату лидеры большевиков относились весьма критически, понимая, что он насквозь пропитан коррупцией и мошенничеством. Уже в 1918 г. установилась своеобразная шкала взяток, за которые продотрядовцы пропускали не только отдельных мешочников, но и целые нелегальные обозы³⁹. На исходе «военного коммунизма» в занятиях хищениями и спекуляцией органами ВЧК были уличены работники едва ли не всех наркоматов. Рядовые работники национализированных предприятий не отставали от начальников и растаскивали до 2/3 производимой ими продукции⁴⁰. Украденное немедленно уходило на теневой рынок.

Не лучше обстояло дело и у «белых». Казнокрадство и спекуляция всем, что имело хоть какую-либо ценность, приобрела в Крыму при Врангеле невообразимые размеры, ознаменовав тем самым провал «белого дела»⁴¹.

Криминальная теневая экономика, которой не было. «Черный» сектор теневой экономики в собственном смысле слова в России времен гражданской войны совершенно отсутствовал. Хотя бандитизм достиг огромного размаха, источники не сообщают об организации рэкета, криминального наркобизнеса или торговли оружием. И это легко объяснимо. Криминальные промыслы — это «преступления без жертв», которыми начинают заниматься профессиональные преступники, желающие уменьшить издержки и повысить выгоду в сравнении с обычными «преступлениями с жертвами». В атмосфере крайне малоэффективной работы правоохранительных органов, когда обыкновенный бандит мог ограбить в 1918

г. самого В. И. Ленина, издержки бандитизма были достаточно низкими, а тяжесть наказаний в условиях военного времени оказывалась примерно одинаковой, что за вооруженные грабежи, что за спекуляцию. Самое главное, наркотики и оружие были настолько широко распространены, что торговля ими вовсе не сулила особой выгоды. В принципе, отечественные профессиональные преступники могли бы монополизировать торговлю хлебом и алкоголем, подобно тому как именно из подпольного бутлегерства родилась в 1920-е гг. американская «Коза Ностра». Однако российский уголовный мир отличался гораздо более низкой степенью организованности, поэтому чисто криминальный бизнес в России того времени практически отсутствовал.

В сущности, мешочник занял ту нишу, которую в развитых странах обычно занимал гангстер: поскольку торговля хлебом была объявлена вне закона, мешочничество стало своеобразным «серо-черным» видом ТЭ — «черным» по объектам (хлеб как запрещенный товар), но «серым» по субъектам (обычные люди, отнюдь не профессиональные преступники) теневых отношений.

Теневая экономика гражданской войны — общее и особенное. Период 1917 - 1921 гг. демонстрирует редкую для развитого цивилизованного общества картину, когда неформальный сектор экономики сравнился с формальным практически во всех сферах хозяйственной жизни или даже превосходил его⁴². Ситуация, сложившаяся в Советской России в годы гражданской войны, исключительна, но не уникальна. Командная экономика эпохи нового времени — эпохи преобладания рыночных связей - всегда и везде провоцирует взрыв «черного» рынка, где спекулируют обычными товарами повседневного спроса, распределение которых государство считает нужным строго контролировать.

Неформальная торговля наблюдалась, в частности, во всех странах, активно участвовавших в первой и второй мировых войнах. В западных оккупационных зонах Германии 1945 - 1948 гг., где и после окончания войны продолжала действовать командно-распределительная система, размах «черного»

рынка ничем не отличался от событий в России 1917 — 1921 гг.: легально отovarить талоны было весьма трудно, зато у спекулянтов можно купить все что угодно, но по ценам в несколько десятков раз выше легальных⁴³. Как в Советской России, так и в послевоенной Германии конец буйству неформального «черного» рынка был положен легализацией нормальных рыночных отношений (нэп в России, реформы Л. Эрхарда в Германии).

Главная специфика теневых экономических отношений периода гражданской войны заключается не столько в количественных, сколько в качественных характеристиках. ТЭ всегда и везде выступает как оппонент легальной общественной системы, но только во время гражданской войны в России неформальный сектор экономики не только объединил вокруг себя все прочие разновидности ТЭ, но и сформировал военно-политическую оппозицию официальной власти. Речь идет об анархистской «Махновии» на юге Украины, просуществовавшей несколько месяцев в 1919 и 1920 гг.

В литературе о махновщине советская традиция рассматривать «зеленых» как полупьяных бандитов сталкивается с либеральными веяниями, в духе которых любой противник большевиков трактуется как идейный борец с тоталитаризмом. Если взглянуть на этот феномен в контексте изучения ТЭ, очевидно, что экономическая подоплека успехов махновщины кроется именно в неформальном мешочничестве.

Екатеринославская губерния, база махновского движения, была одной из наиболее рыночной в России⁴⁴. Такой район оказывался в тот период в довольно выигрышном положении: город нуждался в продуктах сельского хозяйства сильнее, чем деревня в промтоварах, а потому «невидимая рука» рынка обеспечивала преимущества деревни. Естественно, что в условиях войны любая власть (и «красная», и «белая») рассматривала такой район как объект насильственных реквизиций; наоборот, для самих крестьян наилучшим было бы отсутствие любой регулярной власти, мешавшей обогащаться на стихийном товарообмене с голодающим городом. Именно такой порядок и стремился обеспечить Н. Махно, предлагавший

рабочим налаживать добровольный прямой продуктообмен с крестьянами без опоры на какие-либо государственные структуры⁴⁵. Анархистская модель самоуправляющейся и самоорганизующейся экономики объективно обеспечивала полную свободу рук владельцам товарных запасов хлеба и торговцам-перекупщикам. Поэтому Махно действительно имел в глазах крестьян-товаропроизводителей несомненные преимущества и перед «красными», и перед «белыми». Конечно, в долгосрочном аспекте эта «третья альтернатива» была заведомо нежизнеспособна: в отсталой аграрной стране осуществить экономический рывок можно только за счет перераспределения ресурсов сельского хозяйства на нужды промышленности. Однако в краткосрочном плане анархистский «рыночный социализм» давал неформалам привилегированные условия, что и обеспечивало его привлекательность. Таким образом, махновское движение (и, видимо, прочие формы «зеленого» повстанчества) следует рассматривать как политическое представительство неформального мешочничества.

Парфразируя изречение Клаузевица «война - это продолжение политики иными средствами», можно сказать, что гражданская война, т. е. междуусобица «красных», «белых» и «зеленых», была противоборством трех альтернативных моделей хозяйственного развития России: командной («красные»), рыночно-формальной («белые») и рыночно-неформальной («зеленые»). Победили в этой борьбе «красные», но противостояние этих моделей отнюдь не окончилось. Конец XX века продемонстрировал, в принципе, ту же ситуацию выбора из трех альтернатив, которая, казалось бы, была «пройдена» еще в начале века. Теперь, однако, командная модель быстро вышла из «игры», и основное соперничество в 1990-е гг. развернулось между рыночно-формальным и рыночно-неформальным вариантами развития. Рассмотрим, как развивались теневые экономические отношения в России эпохи ельцинщины - в третье Смутное время.

6.3. Экономика «великой криминальной революции» 1990-х гг.

Этот теневой, теневой, теневой мир... Стало уже общим местом утверждение, что Россия 1990-х гг. пережила «великую криминальную революцию», суть которой - в тотальной криминализации всех сторон хозяйственной жизни. Действительно, статистические оценки масштабов теневой экономики в постсоветской России рисуют картину малопривлекательную, хотя и не безысходную.

Таблица 6 — 1
Средние масштабы теневой экономики по трем типам стран, 1989-1993 гг., в % от ВВП

Типы стран	Масштабы теневой экономики
Развивающиеся страны	
Африка	43.9
Центральная и Южная Америка	38.9
Азия	35.0
Страны с переходной экономикой	
Бывший СССР	25.7
Восточная Европа	20.7
Страны ОЭСР	
Оценка по методу анализа расхода электричества	15.4
Оценка по методу анализа спроса на деньги	12.9

Источник: *Schneider F., Enste D. Increasing Shadow Economies All Over the World - Fiction or Reality? A Survey of the Global Evidence of their Size and of their Impact from 1970 to 1995.* (Эта статья подготовлена в 1998 г., ее текст находится в Интернете по адресу: <http://www.economics.uni-linz.ac.at/Members/Schneider/EnstSchn98.html>.)

Уже в самом начале 1990-х гг. определилась иерархия стран по масштабам их «затененности» (см. табл. 6 — 1): если в развивающихся странах теневая экономика (в первую очередь это — неформальный сектор) составляла порядка 35 —

45% от ВВП, то в развитых — 10-20%, а страны с переходной экономикой находились как раз посередине между ними — 25-30%, причем страны Восточной Европы тяготели к развитым странам Запада, а бывшие республики СССР — к не очень развитым странам Востока. В последующие годы ситуация принципиально не изменилась, хотя практически во всех группах стран масштабы теневой экономики несколько выросли.

Таблица 6 - 2
Оценка динамики масштабов теневой экономики
в некоторых странах с переходной экономикой
в 1990-1995 гг., % от ВВП

Страны с переходной экономикой	Неофициальная экономика (Johnson S. et. al)						Подпольная экономика (Lacko M)		
	1990	1991	1992	1993	1994	1995	1990	1992	1994
Центральная и Восточная Европа									
Болгария	25.1	23.9	25.0	29.9	29.1	36.1	-	-	-
Чешская республика	6.7	12.9	169	16.9	17.6	11.3	15.2 3)	19.9	15.4
Венгрия	28.0	32.9	30.6	28.5	27.7	29.0	26.7	34.8	31.0
Польша	19.6	23.5	19.7	18.5	15.2	12.6	30.8	33.0	32.8
Румыния	13.7	15.7	18.7	16.4	17.4	19.1	-	-	-
Словакия	7.7	15.1	17.6	16.2	14.6	5.8	11.2	14.7	22.3
Хорватия	22.8	22.9	24.7	33.7	32.8	24.2	-	-	-
Бывший Советский Союз									
Азербайджан	21.9	22.7	39.2	51.2	58.0	60.6	-	-	-
Белоруссия	15.4	16.6	13.2	11.0	10.9	19.3	-	-	-
Эстония	19.9	26.2	25.4	24.1	25.1	11.8	-	-	-
Грузия	24.9	36.0	52.3	61.0	63.5	62.6	-	-	-
Казахстан	17.0	19.7	24.9	27.2	34.1	34.3	-	-	-
Латвия	12.8	19.0	34.3	31.0	34.2	35.3	-	-	-
Литва	11.3	21.8	39.2	31.7	28.7	21.6	-	-	-
Молдова	18.1	27.1	37.3	34.0	39.7	35.7	-	-	-
Россия	14.7	23.5	32.8	36.7	40.3	41.6	-	-	-
Украина	16.3	25.6	33.6	38.0	45.7	48.9	-	-	-
Узбекистан	11.4	7.8	11.7	10.1	9.5	6.5	-	-	-

Источник: *Schnaider F., Enste D. Increasing Shadow Economies All Over the World - Fiction or Reality? A Survey of the Global Evidence of their Size and of their Impact from 1970 to 1995.*

На общем «постсоциалистическом» фоне Россия выглядит как один из лидеров по масштабам теневой экономики, хотя и отстает даже от Украины, не говоря уже о кавказских и закавказских государствах, где, кажется, кроме теневой никакой иной экономики почти и нет.

Какова же причина того, что либерализация экономики, вместо того чтобы вывести из «тени» ранее запретный рынок, не уменьшила, а увеличила «затененность» экономики? Таких причин, по нашему мнению, две. С одной стороны, это специфическая «советская наследственность», с другой стороны, это результат политики того государственного режима, который уже получил в литературе клеймо «сельцинщины»⁴⁶.

Тяжелый груз советского наследства. Наивные либералы замечали в советской теневой экономике только нелегальный рыночный сектор, а потому полагали, что достаточно освободить людей от жестких административных запретов и ограничений, стесняющих хозяйственную гибкость (избавить его от давления легального командного сектора), как Россия немедленно с радостью начнет дышать воздухом экономической свободы и заживет «полной чашей». Однако в какой степени теневую экономику советских времен можно считать «инкубатором» рыночных институтов?

Таблица 6 — 3

Двойной дуализм советской экономики

	Командная экономика (редистрибутивный продуктообмен)	Рыночная экономика (рыночный товарообмен)
Легальная экономика	1) Плановое хозяйство	2) Колхозные рынки и др.
Нелегальная экономика	4) «Клановый социализм»	3) Неформальный сектор

С точки зрения теории экономических систем, в экономике СССР противостояли друг другу и взаимодополняли друг друга четыре сектора (см. табл. 6 — 3):

1) *легальная командная экономика* (это плановое хозяйство описывалось Г.Х. Поповым как «административно-командная система» и Я. Корнаи как «экономика дефицита»);

2) *легальная рыночная экономика* (колхозные рынки, рынки потребительских товаров — словом, все то, что в классификации А. Каценелинбойгена называется красным, розовым и белым рынками);

3) *нелегальная рыночная экономика* (неформальный сектор — все то, что в классификации А. Каценелинбойгена называется серым, коричневым и черным рынками, а в теории Л. Тимофеева — собственно «черным рынком»);

4) *нелегальная командная экономика* («клановый социализм»⁴⁷ - отношения, описываемые Л. Тимофеевым как рынки должностей и привилегий, административно-хозяйственных согласований и бартера, а С. Кордовским — как административные рынки).

С одной стороны, существование теневого рынка обычных товаров и услуг прививало «простому советскому человеку» некоторые элементарные представления о рыночных отношениях: надо строить с людьми отношения взаимовыгодно, по принципу «ты — мне, я — тебе»; деньги — великий соизмеритель; купля-продажа должна осуществляться в ситуации выбора и по взаимному согласию сторон. С другой стороны, теневые отношения патернализма и клиентализма приучали всех и каждого глядеть на официальные правила и законы как на пустые формальности, вкладывать свой человеческий капитал не в совершенствование трудовой квалификации, а в налаживание личных отношений с «нужными людьми». Поэтому советская теневая экономика одновременно и ускоряла, и тормозила формирование рыночных институтов.

Если рассматривать реформы 1990-х гг. в контексте противоборства нелегальных командных и нелегальных рыночных институтов, становится понятным качественное различие путей реформирования стран Восточной Европы и постсоветских республик.

При формировании класса предпринимателей в экономиках переходного типа возможны три варианта: «путь сни-

зу» (в бизнес идут бывшие рядовые работники), «путь сбоку» (осуществляется легализация ранее существовавшего теневого бизнеса) и «путь сверху» (происходит коммерциализация «социалистической» административной и хозяйственной элиты). В странах Восточной Европы общим правилом было введение люстрации - политической и экономической дискриминации бывших номенклатурщиков. В результате произошло полное обновление хозяйственной элиты - бывшие «верхи» лишились сколько-нибудь существенной экономической власти, которая перешла в руки выходцев из «низов». Когда преобладают «путь снизу» и «путь сбоку», то институты нелегальной командной экономики оказываются сильно ослабленными, а нелегальные рыночные институты, напротив, играют роль катализатора реформ.

Совсем иная ситуация сложилась в бывших республиках СССР, где произошла не «диссидентская революция», а, скорее, «революция вторых секретарей против первых». Здесь главным каналом формирования легального бизнеса определенно стал «путь сверху». В результате экономическая власть перешла в руки агентов нелегального командного сектора, которых избавили от контроля со стороны легального командного сектора. Когда советским номенклатурщикам предоставили возможность брать «столько власти, сколько смогут удержать», они стали создавать такие квази-предпринимательские структуры, в которых главную роль играли клановые связи, клиентализм и патернализм, а отнюдь не экономическая свобода и конкуренция. В результате мы стали наблюдать имитацию рыночного хозяйства при реальном сохранении основ командной экономики - но уже не централизованной (по типу обществ азиатского способа производства), а децентрализованной (по типу феодальных обществ)⁴⁸. При ельцинщине формируется своеобразный *антирыночный клановый капитализм* — социально-экономическая система, в которой противоборствующие кланы осуществляют погоню за прибылью рентоискательскими методами. «Нормальные» институты бизнеса, связанные с предпринимательством честным и производи-

тельными, остаются если и не маргинальными, то, по крайней мере, не главенствующими.

Таким образом, легальная командная экономика исчезла, но ее теневой двойник, как в сказке Г.-Х. Андерсена, пережил своего «хозяина» и продолжает тормозить рыночную модернизацию.

Результаты реформ 1990-х гг.: Россия в тени. Попробуем теперь дать оценку того, какую роль играли теневые институты в развитии субъектов постсоветской экономики эпохи ельцинщины и в какой степени саму ельцинщину следует считать за это ответственной⁴⁹.

Особенности национальных домохозяйств. Современные россияне перестали быть «винтиками» принудительно навязанной им общественной системы — прежде всего потому, что развалилась та «машина», «винтиками» которой они были долгое время. Однако новый тип личности, соответствующий требованиям эпохи НТР, также еще не сформировался.

Когда «прорабы перестройки» начинали радикальные экономические реформы, то они сознательно или бессознательно ориентировались, конечно, на американскую модель. Только так можно объяснить их подчеркнутое безразличие и даже неприязнь ко всем формам и проявлениям социального коллективизма — к профсоюзам, к трудовым коллективам, к системам социальной защиты и т.д. После того как шахтерские профсоюзы внесли весомую лепту в дискредитацию горбачевского режима, новые правители России «в благодарность» постарались о них забыть, в результате чего профсоюзы в лучшем случае превращаются в социальные отделы, а в худшем просто вымирают. Когда во время приватизации выдвигался проект передачи подавляющей доли собственности госпредприятий их трудовым коллективам («4-я модель приватизации»), ее с ходу заклеямили как «промышленный колхоз» и даже не допустили к какой-либо проверке на практике. Что касается социальной защиты, то ее уподобляют социальному иждивенчеству, и нищенские размеры пособий убедительно показывают, что власть имущие не намерены облегчать жизнь этим «иждивенцам».

Лишившись членства в старых коллективах и не имея ни навыков, ни возможностей создавать новые, россияне оказались «брошены в рынок» как котятa в речку. Каждый «барахтается» самостоятельно, реальна лишь помощь со стороны семьи, да и то не всегда. Такое превращение общества, для которого характерна высокая степень коллективизма, в «толпу одиноких» ввергает людей в состояние шока. Они теряют привычные жизненные ориентиры и не находят новых. Общераспространенной моделью поведения становится стремление (сознательное или бессознательное) «переждать ненастье», «дождаться лучших времен». Люди планируют свою жизнь не на десятилетия, а в лучшем случае на месяцы вперед, не будучи уверенными в завтрашнем дне. В столкновении стратегий развития и выживания победу одерживает ориентация на выживание. Перестав быть «винтиками», люди превращаются в «улиток», желающих только сохранения своего старого уютного очага и рассматривающих внешний мир в основном, как источник угроз и опасностей.

Такое нерыночное приспособление к рынку означает, что и формальные и неформальные институты микроуровня находятся в «подвешенном» состоянии. Первоначальная (рубежа 1980-х — 1990-х гг.) ориентация на американского *himselfmademan*'а быстро захлебнулась, новая так и не сложилась. Задача поиска и пропаганды новых форм индивидуального хозяйственного поведения, соответствующих современному типу экономики, не только не решается, но даже и не осознается. Таким образом, институциональная трансформация домохозяйств России - это затянувшийся «бег на месте», когда качественные изменения постоянно «откладываются в долгий ящик». В этих условиях неформальные экономические отношения на микроуровне становятся, как и в странах «третьего мира», едва ли не единственно возможной стратегией выживания беднеющего населения.

Особенности национального бизнеса. Российский бизнес 1990-х гг. стал противоречивым и не слишком удачным соединением черт американской, западноевропейской и японской моделей. Он является экономикой физических лиц (черта, род-

нящая его с американской индивидуалистической коммерцией); он сильно зависим от государственного регулирования (как в Западной Европе и Японии); в нем сильны черты экономики патернализма, причем мелкий бизнес развивается в основном вне поля зрения государства, а роль защитников прав собственности уголовные авторитеты выполняют не реже, чем легальные стражи порядка (как в Японии). Впрочем, нельзя сказать, что российская фирма только копирует чужой опыт. Оригинальной, свойственной только России особенностью стала тотальная бартеризация: чем дольше длились рыночные реформы, тем меньше фирмы пользовались деньгами и тем чаще они прибегали к меновым операциям типа «шило на мыло».

В результате соединения экономики физических лиц, экономики патернализма, экономики бартера и экономики рэкета мир постсоветских фирм приобрел очень причудливый вид, где основные признаки современного рыночного хозяйства проявляются через самоотрицание. Вместо гэлбрейтовской «техноструктуры» фирмами управляют «новые русские», что снижает корпоративный бюрократизм, но одновременно ставит бизнес в чрезмерную зависимость от личной судьбы и прихотей «хозяина». Там, где труд и капитал должны были стать уважающими друг друга партнерами, воцарилась неформальная полуфеодалная система типа «мы, рабочие, ваши, добрый хозяин, верные холопы». Чем дольше длятся рыночные реформы, тем реже фирмы используют «живые деньги». Для защиты своих прав бизнесмены обращаются не к государственным служащим, а к бандитам, либо создают собственные «дружины». Одним словом, фирменные структуры России 1990-х гг. напоминают рынок не XX в., а, скорее, докапиталистических эпох.

И все же именно фирмы остаются в России рубежа столетий самым «продвинутым» институтом. Самое главное, трудности их взросления уже вполне осознаны (по крайней мере, в отношении проблем рэкета и бартера).

Особенности национального государства. Парадоксальное положение постсоветского государства заключается в том, что оно выступало и главным ускорителем рыночной транс-

формации, и ее главным тормозом. И горбачевские, и гайдаровские реформы были событиями, которые «широкие народные массы» в лучшем случае одобряли, но отнюдь не инициировали: в России (в отличие даже от стран Восточной Европы) не было и нет развитого гражданского общества, способного подчинять и направлять деятельность государства. Поэтому рыночная модернизация в нашей стране приняла привычный вид «революции сверху», когда «государственные мужи» разрабатывают и осуществляют такие реформы, которые выгодны, прежде всего, им самим.

Номенклатурная приватизация создала надежную преграду попыткам реставрации старой командной экономики, но она же и жестко ограничила возможности развития рыночных сил. Советская номенклатура, которая по прежнему составляет основные кадры и бизнесу, и государству в постсоветские времена, полюбила частнособственнический капитализм, но все так же не любит конкурентный рынок. В результате наше «государство всеобщего перераспределения» стало полем столкновения лоббистских интересов, на котором судья готов за взятку объявить победителем кого угодно, причем оспорить его решения практически невозможно. Правовое регулирование носит характер *ad hoc*; о социальных проблемах заботятся ровно в той мере, в какой это необходимо для завоевания голосов избирателей, чтобы удержаться у власти или пробиться к ней; планирование имеет очень малый горизонт (как правило, на год) и осуществляется с неизменным расчетом на «авось» («авось» подорожает нефть, или дадут новый займ либо спишут часть старого долга).

Постсоветское государство эпохи ельцинщины, таким образом, оказывается едва ли не самым слабомодернизируемым компонентом хозяйственной жизни — оно слишком конъюнктурно, слишком заботится «о себе, любимом». Создания сколько-нибудь целостной системы государственного регулирования российской экономики следует ожидать только в начале XXI века.

В заключение подчеркнем еще одну специфическую черту российского пути развития переходной экономики. Оценки

масштабов теневой экономики в России конца 1990-х гг. варьируются в основном в интервале 30 - 40% ВВП⁵⁰. Однако это не следует интерпретировать так, что примерно треть производителей трудятся «в тени», уклоняясь от государственного контроля, а остальные две трети уважают закон. Тотальное «затемнение» социально-экономических отношений позволяет утверждать, что отечественная экономика конца XX века стала «пестрой» — в ней нет четкой поляризации «белой» (законно-послушной) и теневой (нелегальной) деятельности, есть только разнообразные оттенки серого и черного. Пока трудно судить, насколько устойчивой окажется эта ситуация. *«Пестрая» теневая экономика стала одной из институциональных ловушек*: она позволяет кое-как решать сиюминутные проблемы, но препятствует дальнейшему развитию. Видимо, после «великой криминальной революции» необходимо провести «антикриминальную революцию» — иначе можно дожидаться «криминальной контрреволюции».

Примечания:

¹ В данной главе использованы некоторые материалы диссертации к. э. н. С.Н. Ковалева.

² См.: Шанин Т. Революция как момент истины. М.: «Весь Мир», 1997. Гл. 3. С. 140 - 226.

³ Характерно, что если по проблемам крестьянского хозяйства в России существует буквально море литературы, то число капитальных исследований помещичьих хозяйств можно пересчитать по пальцам, причем все эти работы относятся еще к советскому периоду.

⁴ См.: Fogel R. W., Engerman S. L. Time on the Cross: The Economics of American Negro Slavery. Vol. 1 - 2. N. Y., 1974. Это исследование относится к наиболее известным трудам Роберта Фогеля, за которые он был удостоен премии имени Нобеля по экономике за 1993 г.

⁵ В монографии «Время на кресте» Р. Фогель и С. Энгерман доказали, что крупные рабовладельческие плантации примерно на 40% превосходили по душевой выработке не использующие рабского труда мелкие фермерские хозяйства (См.: Goldin C. Cliometrics and the Nobel // Journal of Economic Perspectives. 1995. Vol. 9. № 2. P. 200).

⁶ В библиографических обзорах литературы по аграрному вопросу, составившихся в начале века, работы консервативных авторов всегда составляли абсолютное меньшинство по сравнению с либералами, на-

родниками и марксистами. См.: *Фортуатов А. Ф.* Земельный вопрос в русской литературе 1906 г. М., 1906; *Туган-Барановский М. И.* Основы политической экономики. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1998. С. 243-244.

⁷ *Ермолов А. С.* (1847 — 1917) относится к тем достаточно редким экономистам типа Л. Эрхарда, которые стремятся органически сочетать теоретические поиски с хозяйственной практикой. В 1886 — 1888 гг. он был вице-президентом Вольного Экономического Общества. В 1893 г. А. С. Ермолов стал управляющим Министерством государственных имуществ, в 1894 — 1905 гг. занимал пост министра земледелия и государственных имуществ. С 1905 г. он был членом Госсовета, где выступал с активной поддержкой столыпинской аграрной реформы. Сторонник создания неделимых, неотчуждаемых крестьянских хозяйств и интенсивного развития землевладения, организации переселенческого движения, А. С. Ермолов активно боролся с идеей национализации земли и её принудительного отчуждения. Он видел помощь помещичьим хозяйствам не в поддержке разоряющихся дворян, а в укреплении жизнеспособных культурно-капиталистических имений, увеличении их производительности. Предложенная А. С. Ермоловым макроэкономическая модель российской агроэкономики довольно малоизвестна, хотя она не имеет близких аналогов в трудах других экономистов-аграрников (в том числе и современных), предпочитающих микроэкономический подход.

⁸ См.: *Ермолов А. С.* Наш земельный вопрос. СПб., 1906.

⁹ *Ермолов А. С.* Указ. соч. С. 28, 267.

¹⁰ Мы не рассматриваем здесь удельные, казённые, монастырские и другие второстепенные категории земель.

¹¹ *Ермолов А. С.* Указ. соч. С. 273. По данным А. М. Анфимова, урожайность ржи в 1912 — 1916 гг. была у крестьян на 17 — 18% ниже, чем у частных владельцев, что подтверждает выкладки А. С. Ермолова (*Анфимов А. М.* Российская деревня в годы первой мировой войны. М., 1962. С. 144).

¹² Там же. С. 53.

¹³ *Ермолов А. С.* Указ. соч. С. 286.

¹⁴ На огромное значение крестьянских заработков от работы в помещичьих имениях для крестьян указывал также А. А. Салтыков — экономист-аграрник более консервативного направления. См.: *Салтыков А. А.* Голодная смерть под фирмой дополнительного надела (К критике аграрного вопроса). СПб., 1906. С. 26.

¹⁵ Наиболее полным изложением этой теории в отечественной литературе остаётся работа Р. И. Капелюшникова: *Капелюшников Р. И.* Экономическая теория прав собственности. М., 1990.

¹⁶ *Салтыков А. А.* Указ. соч. С. 14.

¹⁷ Как известно, российские крестьяне «лоббировали» эту программу более полувека, используя и трибуну Думы, и запускаемого в поместья «красного петуха».

¹⁸ *Салтыков А. А.* Указ. соч. С. 200.

¹⁹ *Ермолов А. С.* Указ. соч. С. 267 - 268.

²⁰ *Качаровский К- Р.* Русская община. СПб., 1906.

²¹ *Вихляев П. А.* Право на землю. М., 1906. С. 33 - 34.

²² *Вихляев П. А.* Указ. соч. С. 22 - 23. Современные исследователи оценивают экономико-правовые представления российских крестьян схожим образом. См., например: Яхшиян О. Ю. Собственность в менталитете русских крестьян // Менталитет и аграрное развитие России (XIX - XX вв.). М., 1996. С. 92 - 105; Шатковская Т.В. Закон и обычай в правовом быту крестьян второй половины XIX века // Вопросы истории. 2000. № 11 -12. С. 96- 105.

²³ *Энгельгардт А. Н.* Из деревни: 12 писем. 1872 - 1887. М., 1987. С. 399.

²⁴ Изучение аграрного вопроса имеет не только историографическое значение. В наши дни призыв «черного передела» витает над государствами юга Африки (Намибия, Зимбабве, ЮАР), где повторяется знакомое по истории России противостояние крупных высокоэффективных агрохозяйств (белые фермеры) и малоземельного крестьянства (африканское население). Современная ситуация в российском агрохозяйстве также имеет многие черты сходства со старым аграрным вопросом: немногочисленные частные («фермерские») хозяйства вызывают у окружающих экс-колхозников примерно те же чувства, которые в начале века крестьяне-общинники питали по отношению к помещикам, и порождает схожие экстернальные эффекты.

²⁵ Цит. по: *Капелюшников Р.И.* Экономическая теория прав собственности (методология, основные понятия, круг проблем). М., 1990. С. 50.

²⁶ Хотя воспитанному на неоклассической теории экономисту такой подход кажется заведомо невозможным, у историков он может найти известное понимание. В частности, недавний научный бестселлер В. П. Булдакова «Красная смута» (М., 1997) рассматривает события революции и гражданской войны в России именно как своеобразную массовую истерию, где рациональные соображения заглушались подсознательными инстинктами.

²⁷ Рентоискательство (rent-seeking) — это общепринятый в неонституциональной теории термин для обозначения деятельности, направленной на повышение благосостояния рентоискателей политическими, юридическими и иными методами, не связанными с успехами в обычном конкурентном производстве.

²⁸ Идея, что главной проблемой общественного развития является рационализация распределения не материальных благ между людьми,

а потенциальной предпринимательской активности между различными видами приносящей выгоду деятельности, относительно недавно высказана известным американским экономистом В. Баумодем. См.: Baumol W. J. *Entrepreneurship: Productive, Unproductive and Destructive*//*Journal of Political Economy*. 1990. Vol. 98. № 5. Pt. 1. P 893 - 920.

²⁹ Подчеркнем, что это произойдет «при прочих равных»: в нашей стране после 1917 г. ценность политического рентоискательства не упала, а многократно возросла. Карьера политработника обещала гораздо больше, чем нормальная производственная деятельность.

³⁰ Теоретическое осмысление материалов о теневой экономике эпохи «военного коммунизма» началось уже в 20-е гг.: Вайсберг Р. Е. *Деньги и цены (Подпольный рынок в период «военного коммунизма»)». М.: Издательство Госплана СССР, 1925; Кондратьев Н. Д. Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. М.: 1991. С. 307 — 310. Из современных исследований по этой проблеме см., например: Давыдов А. Ю. Мешочничество и советская продовольственная диктатура. 1922 годы // *Вопросы истории*. 1994. № 3. С. 41 — 54; Павлюченков С. А. Военный коммунизм в России: власть и массы. М.: Русское книгоиздательское товарищество, 1997. С. 229 — 244.*

³¹ Едва ли не единственным исключением стало изучение экономической политики правительства Врангеля в Крыму 1920 г.: Карпенко С. Врангель в Крыму: «левая политика правыми руками» // *Свободная мысль*. 1993. № 15. С. ПО - 116.

³² Павлюченков С. А. Ук. соч. С. 230.

³³ Вайсберг Р. Е. Ук. соч. С. 126.

³⁴ Ленин В. И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 39. С. 278. В черновых заметках руководителя Советской России есть еще более остротная формулировка: «Свободная торговля хлебом есть государственное преступление» (Т. 39. С. 449).

³⁵ Кондратьев Н. Д. Ук. соч. С. 308 - 309.

³⁶ Можно вспомнить, например, что периодически вводились временные разрешения для некоторых категорий населения на провоз 1,5 — 2 пудов хлеба. Естественно, что под прикрытием этих разрешений хлеб возили в большем количестве, и отнюдь не только те, кто имел на это право.

³⁷ Известны данные своеобразного обследования, проведенного в самом начале 1918 г.: из примерно 1000 мешочников, задержанных на одном из вокзалов Москвы, лишь 13 % везли муку для своих семей, 15 % собирались заниматься самореализацией, продавая муку случайным прохожим, еще 10 % намеревались перепродать продукты лотковым торговцам и харчевням, а 60 % выполняли заказы владельцев магазинов, ресторанов и кондитерских (*Дмитриенко В. П.* Некоторые итоги

обобществления товарооборота в 1917 — 1920 гг. // Исторические записки. Т. 79. М.: Наука, 1966. С. 232).

³⁸ Карпенко С. Ук. соч. С. 98, 105 - 106.

³⁹ Давыдов А. Ю. Ук. соч. С. 48.

⁴⁰ Павлюченко С. Ук. соч. С. 236 - 241, 154.

⁴¹ Карпенко С. Ук. соч. С. 101 - 106.

⁴² Советские экономисты оценивают долю нелегального рынка в товарообороте периода «военного коммунизма» величинами порядка 50 % (Кабанов В. В. Крестьянское хозяйство в условиях «военного коммунизма». М.: Наука, 1988). Соответственно, доля теневой экономики в ВВП должна составлять не менее трети.

⁴³ Например, в марте 1947 г. в американской зоне, согласно официальным данным, было произведено 7.200 мужских костюмов, при этом роздано талонов на получение 10.300 штук, из которых отоварено только 5.800; на «черном» рынке в этот месяц по ценам, в 50 раз выше легальных, продано не менее 7.000 костюмов (Зарицкий Б. Е. Людвиг Эрхард: секреты «экономического чуда». М.: Издательство БЕК, 1997. С. 59).

⁴⁴ Шубин А. Махно и махновское движение. М.: МИК, 1998. С. 24.

⁴⁵ Там же. С. 110- 113.

⁴⁶ См., например: Конец ельцинщины. Будапешт, 1999.

⁴⁷ Данный термин взят по аналогии с используемым в работах российского социолога Л. Я. Косалса термином «клановый капитализм», которым он характеризует постсоветскую Россию. (См., например: Косалс Л. Я. Центр реформ — микроуровень // НГ-Политэкономия. 2000. 18 янв. № 1 (42) // http://politeconomy.ng.ru/real/2000-01-18/5_microlevel.html.) Именно в концепции Л.Я. Косалса впервые четко сформулирована мысль о нерыночном характере многих институтов современного российского бизнеса.

⁴⁸ Точка зрения о квазирыночном, нерыночном характере многих институтов постсоветского российского бизнеса в последние годы звучит в литературе (и отечественной, и зарубежной) все чаще и чаще. См.: Ковалев Е. Взаимосвязи типа «патрон - клиент» в российской экономике // Неформальная экономика: Россия и мир / Под ред. Т. Шанина. М.: Логос, 1999. С. 125 — 137; Романов П.В. Формальные организации и неформальные отношения: кейс-стади практик управления в современной России. Саратов, 2000; Колганов А. К вопросу о власти кланово корпоративных групп в России // Вопросы экономики. 2000. № 6. С. 114 - 125; Ericson R.E. The Post Soviet Russian Economic System: An Industrial Feudalism? // <http://www.hhs.se/site/Publications/Nol40-web.pdf>.

⁴⁹ Обзор итогов социально-экономического развития России 1990-х гг. построен по материалам коллективной монографии «Экономические субъекты постсоветской России (институциональный анализ)» (М.: МОНФ, 2001). Из обобщающих исследований о неформальной экономике в Рос-

сии времен «великой криминальной революции» см., например: Неформальный сектор в российской экономике. М.: Институт стратегического анализа и развития предпринимательства, 1998; *Клямкин И., Тимофеев Л.* Теневая Россия: Экономико-социологическое исследование. М.: РГГУ, 2000.

⁵⁰ По данным Российско-европейского центра экономической политики (РЕЦЭП), масштабы теневой экономики, оцененные по методу расхода между доходами и расходами, составляли 31,5%, а по методу уклонения от НДС - 36,7% («Сопrotивление материала». Международные нормативы на российской почве. М.: МОНФ, 1999. С. 143).